

Всегда в форме и на сцене

Армен Джигарханян мечтает стать главой клана

Общая шестка. - 1998, - 3-9 сент. - с. 8

1 сентября репетициями «Ревизора», премьера которого назначена на 10 октября, открылся сезон в театре «А» — театре Армена Джигарханяна. Правда, сам мэтр в новом спектакле не участвует. Он и так абсолютный рекордсмен по количеству сыгранных ролей — их почти 180.

— Мне рассказывали про одного артиста, его вызвали на репетицию, а он в ответ: «Я — народный артист большой державы. А вы лезете с какой-то репетицией». Но это не про меня. Меня интересуют совсем другие вещи.

— Интересно, какие? Кроме, конечно, актерства. Вы, например, даже в собственный театр главным режиссером пригласили другого — Сергея Газарова.

— Никогда не замечал за собой режиссерских амбиций. Пусть я не ставлю спектакли, но я создаю некую ауру, магнитное поле. Может, прав был Страдивари — извините, я себя с ним не сравниваю: он умер, унеся с собой загадку.

— В вашем театре совсем неопытные артисты получают большие роли. А как же правило, по которому молодым положено выходить на сцену с «кушать подано»?

— Я сам говорил эту фразу, но не думаю, что этот опыт необходим. Если человеку долго внушать, что он маленький и неказистый, он в это поверит. Если вы три дня будете лежать, то, однажды встав, почувствуете слабость. Поэтому надо много играть, много сниматься. Святослав Рихтер в день проводил за роялем шесть-восемь часов.

— Что бы ни играл Рихтер — это было безусловное искусство. А вас, например, упрекают в участии в рекламе.

— Святослав Теофилович рассказывал, что в каком-то городе он играл в зале, где даже стула у рояля не было, он сидел на ящике. А в другом городе, куда он приехал уже будучи великим Рихтером, было продано всего восемь билетов. Но профессия есть профессия: он ехал, настроился и несмотря ни на что должен был испытать восторг. Снобизм — вот одна из самых страшных болезней людей искусства. Но сноб

когда не станет подлинным артистом.

— Все же ваша феноменальная востребованность не может быть объяснена только стремлением к «тренингу».

— Она вызвана любовью — давайте это так назовем. Артист востребован тогда, когда он здесь, сейчас, когда он в воздухе. Не понимаю разговоров на уровне: «Такой был великий, но — несчастная судьба». Да еще найдут такого «великого», невостребованного, призовут вернуться в искусство... У меня был школьный товарищ, чемпион мира по современному пятиборью. Однажды я болел за него и услышал разговор за спиной: «Как не стыдно, чемпион мира, а выступает на никчемном соревновании из-за каких-то талонов на питание». Я пересказал диалог приятелю, он ответил: «Чемпионаты мира проводятся раз в году. Если у меня не будет практики, я не смогу побеждать, потому что у тренировок и соревнований разная логика».

Мне — 63 года. Я всегда много работал и, поверьте, очень устал. Каждое утро с трудом уговариваю себя встать. Но уверен, что это необходимо.

— А как же обязательная для художника «остановка в пути»?

— Э-э-э... Вы просто не знаете про мои закрытые двери и зашторенные окна. Когда я должен отдыхать и понимать, что вызвал во мне очередной акт любви. Армяне это называют «положить руки на зад». То есть осмыслить происшедшее.

— Сегодня много спорят об антрепризе. Вы — один из активных ее сторонников. Коллеги не осуждают?

— Самое точное определение русского театра — крепостной, где все зависит от «хозяина-барина». Для меня это не оскорбительно, просто так сложилось. Антреприза же не предполагает диктата. А коллеги, когда узнают, сколько там платят, сами напрашиваются.

— В театре вам помогает жена, еще недавно там же работал сын. Вам необходима семейственность?

— Извините за восточное рассуждение, но для меня театр — это

Галина КМИТ

клан. Кровная вещь. Клан возникает не тогда, когда я скажу: «Я поддерживаю вашу идею». А когда я чувствую, что если не подержу, то умру или буду изгнан. Именно на этом держится мафия, потому что она непобедима.

— Мафия предполагает чуть ли не обожествление крестного отца. А вы выступаете в своем театре даже против невинного пие-тета.

— Мне не надо, чтобы за мной чемодан носили. Мне надо, чтобы за мной носились на сцене или в кадре. Во ВГИКе меня упрекали: «Смотрите, когда в конце коридора появляется другой педагог, студенты бросают сигареты и бегут к нему, а вас они ни во что не ставят». Я считаю: если бегут, то это не любовь — просто страх перед надсмотрщиком.

Когда не так давно в «Ленкоме» меня вводили в уже давно поставленный спектакль, перед са-

мой премьерой я отказался играть. Потому что чувствовал, как весь театр жалеет артиста Джигарханяна: «Ах, в какую он попал передрыгу! И мизансцен он не знает, и текст как следует не успел выучить». Я не могу выйти на сцену «несчастеньким» — я должен выйти туда отцом своих детей.

— Вы придерживаетесь национальных обычаев в своей семье?

— Мне не интересны атрибуты. Если кровь проявляется в жестах и других «сопутствующих товарах», это сущая ерунда. Но у меня есть приятель, солидный человек, уже за полтинник. Он совершенно случайно узнал, что у него есть в Греции отец — однако оставшееся письмо с адресом. Он с делегацией попал в Грецию и что-то выиграло. Улицы такой уже давно нет, но приятель в одно кафе, в другое, к старикам, которые все

про всех знают. И он нашел отца. Вот что значит национальная традиция.

— Кровь не восстает против актерской профессии?

— На Востоке очень важно разграничение между мужчиной и женщиной. А актерство — двуполовая профессия. И на сцене я каждый раз переступаю какую-то грань. Не случайно нудистский пляж никогда не вызывает возбуждения, а происходит что-то начинается тогда, когда тело чуть прикрыто.

— В Армении вы национальный герой?

— Армяне очень трезвый народ. Я знаю, что они любят меня, но они со мной на «ты». И когда видят на экране, аплодируют. В России чаще возникает желание подмять. Меня не всегда узнают, главная реакция — «это не он». Однажды я снимался в Твери, ездил из Москвы туда-сюда. В одну

из суббот решил махнуть домой, а водители уже потеряли «бдительность», и я поехал на электричке. Стою лицом к окну в переполненном вагоне и слышу, что за спиной спорят — я или не я. Выиграл тот, кто утверждал, что не я. А главным аргументом было: «Ты на ушанку посмотри». На мне была старая кроличья шапка, такая хорошая, удобная.

— Вы не устаете повторять, что театр — безответственное искусство...

— Конечно, звериного серьезая в профессии лучше избежать. В театр нельзя вкладывать больше, чем он есть на самом деле. Марк Анатольевич Захаров применяет очень хорошую формулу: искусство надо воспринимать всем организмом, где откликнется — неизвестно.

— Ваш театр еще совсем молодой, ему нет и пяти лет. А в предельные сроки существования театра вы верите? Столетие МХАТа — правило или нонсенс?

— Извините за биологическое сравнение, но все зависит от тенденции. А она может существовать неприлично долго. В этом смысле любые сроки — условны. На самом деле никто не может сказать, какие законы действуют в театре.

— А справедливо ли утверждение, что по-настоящему хороший актер не может быть интересной личностью?

— Аркадий Исаакович Райкин говорил: главное в нашем деле — закон сохранения энергии. Если я хороший тамада, то выйду на сцену пустой. Если я хорошо рассказываю анекдоты, общество завою, то я — Якубович. Театр — абсолютно неизученное явление. Он наиболее близок к природе, и в нем все — как в любви. А Эдит Пиаф как-то сказала, что переживает любовь не со всеми, а с каждым. Каждый раз, когда еду на «Мосфильм», где должен встретиться с молодой актрисой, будущей партнершей, я, поверьте, очень волнуюсь. Вдруг она упадет в обморок, что с легендарной советского кино снимается? Для меня это будет оскорбительно.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА